

*Adretta On Memory as Practice, Potato
Breeding, and a Socialist Model
Village in the GDR*

Two different archives are at the heart of this story, told in text and images. One is the photographic archive of the former Institute for Plant Breeding in Groß Lüsewitz in the GDR. The Archive was compiled by photographers employed by the Institute between 1948 and 1990. Its purpose was to document the development of the Institute, as one of the major centres for agricultural research in the Eastern bloc, and of the village itself, as a model village for the industrialisation and urbanisation of agriculture in the GDR. The archive was thrown on a rubbish dump when the Institute changed ownership in 1990 and saved by a former employee. It is preserved thanks to the personal efforts of members of the village history club.

The second archive is the potato Adretta, which was developed at the Institute and certified here in 1975. Like all cultivated tubers, Adretta is an archive of a breeding process, a continuous human-plant-dialogue, dating back to pre-historic times when agriculture began. Adretta became a success, because of its robustness, which suited the needs of the large-scale farming units of the planned economy. It was soon cultivated widely, not only in East Germany, but also around the whole Soviet Union. After 1990 it no longer met the requirements of the new, capitalist economy. As an archive, Adretta is fragile. It needs to be replanted each season to survive. But it fared better than the photo archive of Groß Lüsewitz: Adretta has become one of the most beloved and prevalent staples of post-Soviet subsistence farmers from Kazakhstan to Siberia.

In the stories presented here, the two archives – processed through the research of Åsa Sonjasdotter and Elske Rosenfeld – are explored as forms of dormant knowledge that are latent or active sources of resistance and dissent. Such knowledge pits itself against a capitalist logic, a way of inscribing human and human-to-non-human relations, that is today proving ever more clearly dysfunctional.

Адретта

*О практике памяти, селекции картофеля и
образцовой социалистической деревне в ГДР*

Эта история — о материалах двух архивов, о текстах и изображениях, хранящихся в них. Первый архив содержит фотографии времен ГДР, сделанные в бывшем Институте растениеводства в Гросс Люзевице. Фотографы, работавшие в институте между 1948 и 1990, составляли этот архив для документации процесса развития института и близлежащей деревни в один из крупнейших центров сельскохозяйственных исследований в Восточном блоке. Сама деревня должна была служить образцом удачной политики индустриализации и урбанизации сельской местности в ГДР. Когда институт менял хозяев в 1990 году, архив выкинули на помойку, но его спас один из бывших работников института. В настоящее время архив находится под опекой членов клуба местной истории.

Второй архив — это сам картофель Адретта, который был выведен в институте и сертифицирован в 1975 году. Как и прочие культивированные корнеплоды, Адретта хранит в себе историю селекционного процесса и продолжительного диалога между человеком и растениями. Последний может быть прослежен от доисторических времен — от самого момента зарождения сельского хозяйства.

Успех Адретты заключается в устойчивости ее характеристик, что само по себе необходимо для масштабного земледелия в плановой экономике. Вскоре сорт распространился не только по всей Восточной Германии, но и по всему Советскому Союзу. В конце 1990-х сорт перестал соответствовать стандартам — уже новой, капиталистической экономики.

Адретта — архив, который непросто сохранить, ведь для этого необходимо поддерживать картофель в сельскохозяйственном обороте. Несмотря на это, знания из архива «Адретта» получили гораздо более широкое распространение, чем фотографии из архива Гросс Люзевица, поскольку Адретта стала одним из самых любимых сортов картофеля на дачных участках от Казахстана до Сибири.

Эти два архива, как показывает работа Осы Соньясдоттир и Эльске Розэнфельд, содержат в себе знания, потенциально действующие наперекор логике капитализации отношений между людьми и отношений человека и природы.

IX g züchterische Arbeiten

pflanzen von Kartoffelsamlingen (außen. Gölitz Mai 54.)

III 306/2

III 306/3

III 306/4

Schollen, Torfke

III 305/4

III 306/5

wenden!

NT 496

NT 496

NT 492

in
Gubkow

NT 497

NT 492

in
Helmshof

NT 497

NT 497

KH-Verein Groß Lüsewitz
Archiv 617

3.5.72

KB 59

Communism as a Practice of Thinking, Making a Better World:

How it gave up on itself, and how it nevertheless continues into the present through the storytelling of the Groß Lüsewitz residents

INTERVIEW WITH ERNST HIELSCHER
AND RUDOLF HLADITSCH BY ÅSA
SONJASDOTTER, APRIL 2013

Ernst Hielscher was 22 years old when he started working as a technician at the Institute for Plant Breeding in 1954 (later changed to Institute for Potato Research). Mr Hielscher worked as a computer engineer and software developer and temporarily led the computing department at the Institute. When the Institute was shut down in 1991, Mr Hielscher decided to take early retirement. He lives in the village of Gross Lüsewitz.

Rudolf Hladitsch was the branch manager of an advertising company in Leipzig before he retired. Mr Hladitsch moved to Groß Lüsewitz just three years ago and has been the chairman of the Cultural-Historical Association Groß Lüsewitz for one year.

Åsa Sonjasdotter: What happened to the Institute for Potato Research after 1990?

Ernst Hielscher: An evaluation commission from the Federal Republic of Germany came and assessed the Institute. Groß Lüsewitz and its potato

COMMENTARY BY ELSKE ROSENFELD,
OCTOBER 2015

Elske Rosenfeld (born 1974 in Halle/ GDR) is an artist who has worked repeatedly with materials from the history of the GDR and, in particular the revolution of 1989.

The archive from Groß Lüsewitz is the result of a practice of documenting socialist life through embedded photographers that was common in the GDR. Photographers were employed at many factories, institutions and enterprises, to document and aid production or research activities, but also, and just as importantly, to create a visual record and narrative of the collective creation of a new kind of society.

Filtered through the perception of its photographers, the archive of Groß Lüsewitz presents socialist configurations – of what is work and what is not work, of what is private and what is collective, of what is individual and what is political – that developed in parallel with such concepts in the capitalist West. One such area of concepts and practices

Коммунизм как практика мышления, делая лучший мир:

О том как он махнул рукой на самого себя, и о том как он по прежнему живет в историях рассказанных в Большом Люзевице

ИНТЕРВЬЮ Э.ХИЛЬШЕРА
И Р.ХЛАДИЧА ДЛЯ
О.СОНЬЯСДОТТЭР, АПРЕЛЬ 2013

Эрнсту Хильшеру было 22, когда он в 1954 году начал работу лаборантом в Институте растениеводства (в последующем переименованном в Институт исследования картофеля). В дальнейшем он работал компьютерным инженером, разрабатывал программное обеспечение, некоторое время заведовал вычислительным отделом института. Э. Хильшер досрочно вышел на пенсию, когда в 1991 году институт был закрыт. Живет в Гросс Люзевице.

Рудольф Хладич перед тем, как выйти на пенсию, руководил филиалом рекламной компании в Лейпциге. Переехал в Гросс Люзевиц три года назад и в течение года возглавляет Культурно-Историческую ассоциацию Гросс Люзевица.

КОММЕНТАРИЙ Э.РОЗЭНФЕЛЬД,
ОКТАБРЬ 2015

Художница Эльске Розэнфельд (родилась в 1974г. в Халле, ГДР) работает с материалами из истории ГДР, в частности революции 1989 года.

Архив Гросс Люзевица был собран из материалов фотографов, специально направленных туда на работу. Подобная практика была типичной для ГДР, где штатные фотографы были закреплены за многими фабриками и учреждениями не только с целью документации производства, но и для создания визуального повествования о построении новой коллективности. В архиве представлены различные аспекты общественной жизни, в которых проявляются бинарные конфигурации социалистической политики: что значит работать, а что — нет, что считается частным, а что — общественным,

research was then simply shut down. From today's perspective, I wasn't even given proper notice. We received no compensation despite 35 years of service.

Dr Vogel [Joseph Vogel (1930-2009); scientist at the Institute for Plant Breeding; 1957-1990] was able to cleave off the Institute's new-breeding division and founded Norika. There were some remnants left that are now part of the Federal Research Centre for Cultivated Plants. I went into early retirement. I had worked in the computing department at the Institute since 1971 and had helped build and expand the department.

In 1990 I had to watch as the computer system was hacked to pieces with crude tools and thrown into a rubbish skip. Those were bitter moments. I was aware that the photo archive was to be disposed of too, so I organised a car and loaded it all in. In my free time as a retiree I've tried to catalogue the photos and, most importantly, to preserve them.

ÅS: What kind of an archive was it, that you saved?

EH: We had a full-time photographer and a photo lab at the Institute. Photos were always being made of our on-going trials: leaves, leaves, leaves, potatoes, potatoes, potatoes and so on... But the photographer also had the job of documenting and recording the development of the working and living conditions in the Institute and the village. Harvest festivals, for

is the way the Socialist agricultural sector (in which the Institute came to take on an important role) configured relations between humans and their non-human environment. In the GDR, the methods and concepts of an industrialised agriculture, along with most other aspects of building a Socialist state, were inherited from the Soviet Union. There, the concrete forms of implementing the Communist idea had been set on track in the immediate post-revolutionary period. The October Revolution of 1917 had, arguably, for the first time in Western history, opened the promise of nothing less than an all-encompassing debate on how to replace relations based on exploitation with ones of equality. Philosopher Boris Groys argues that the new state's legitimation rested on its ability to make a convincing case for a better world alone. Yet, from its inception, the Socialist project in the Soviet Union was torn between opposing motions: towards keeping such discussion open and its contradictions productive, and closing it down into processes of administrating established truths. American philosopher Susan Buck-Morss describes these early years of the Soviet Union as exactly this: an upsurge, then closing down, of possibilities. Her book *Dreamworld and Catastrophe* tells the story of the industrialization of the country, including its agricultural sector under Lenin, in parallel with the story of the Soviet artistic and architectural avant-garde. The great optimism of the early post-revolutionary years unfolded against the immense

О.Соньясдоттер: Что случилось с Институтом исследования картофеля после 1990 года?

Э.Хильшер: Оценочная комиссия из ФРГ провела проверку института. Гросс Люзевиц и исследования картофеля тогда были попросту свернуты. Если посмотреть на это с позиции сегодняшнего дня, меня толком даже и не оповестили о решении; мы не получили никакой компенсации, несмотря на 35 лет работы.

Доктору Фогелю (Йозеф Фогель (1930-2009), научный сотрудник Института растениеводства с 1957 по 1990 г.) удалось отделить новый селекционный отдел университета и на его базе создать «Норику». Некоторые, после, стали работать в Федеральном Исследовательском центре культурных растений. Я же ушел на пенсию прежде срока. До этого я с 1971 года работал в вычислительном отделе института и участвовал в создании и развитии этого отдела.

В 1990-м я видел, как наша компьютерная система была разобрана на части при помощи кувалды и выкинута на помойку. Это были горькие моменты. Я знал, что фотоархив вскоре последует за компьютерами, поэтому нашел машину и загрузил в нее все материалы. В свое свободное время на пенсии я старался каталогизировать фотографии, но что более важно — просто сохранить их.

что личным, а что — политически значимым. Одну из таких сфер образуют отношения между человеком и окружающей средой и конфигурация этих отношений, определяемая социалистическим сельскохозяйственным сектором (в котором институт занимал важную позицию).

В ГДР методы и идеи промышленного сельского хозяйства, как и прочие идеи строительства социалистического государства, были напрямую унаследованы от Советского Союза, в котором конкретные формы применения коммунистической идеи были опробованы в деле сразу после революции. Октябрьская революция, хотя и с оговорками, но все же может считаться первой попыткой провести открытые дебаты о том, как заменить социальные отношения, основанные на эксплуатации, новыми отношениями равенства. Как утверждает философ Борис Гройс, само право на существование нового Советского государства было основано на его способности убедить людей в возможности существования лучшего мира. Однако с самого начала социалистический проект в Советском Союзе был разорван противоположностями: стоит ли поддерживать дебаты открытыми и продуктивно использовать вытекающие из них противоречия или же необходимо свернуть дискуссию во имя стабильности

example, sporting events, the first day of school, group trips and much more. The archive is very mixed.

ÅS: When was the Institute for Plant Breeding Institute founded?

Rudolf Hladitsch [reading]: “In April 1948, the Mecklenburg state government decided to establish the Institute for Plant Breeding in Groß Lüsewitz.” [Quoted from: Hans Wagemann (Ed.): Von der Deutschen Akademie der Landwirtschaftswissenschaften zu Berlin zur Akademie der Landwirtschaftswissenschaften der DDR. Ein Beitrag zur Geschichte 1951-1991. Berlin 2006]

EH: As a result of the Second World War there were difficulties with supplies after 1945. People in the big cities were suffering from hunger. At that time, the potato was the staple food. Seed potato production had to be dramatically boosted in order to secure supplies for the population. That was the mission of the Institute for Plant Breeding.

A lot of breeders had gone to West Germany after the war and had taken their breeding material with them. What little material was left in the GDR was gathered here and needed to be developed quickly. New-breeding and conservation-breeding had to be put in place at the same time as the Institute was being built up. This was a big challenge. Young people from all over the country arrived here. Just like me: I was sent here in 1954. We

challenge of feeding a population that faced dire hardship, famine and abject poverty. Despite, or because of the enormity of this challenge, the avant-garde extended its formal inquiry and its proposals not only to human-to-human relations, but also to those between humans and their non-human environment. Tatlin, who famously cracked open the pavement in the courtyard of the Leningrad Academy of Art during the famine years of the 1920ies – to plant: potatoes! – stressed the importance of “health and natural principles” as well as “organic form”. Such were to replace the Western type object, which he considered as obsolete. The urban planning proposals of architects such as Melnikov, offered gently pruned natural/non-natural living environments carefully attuned to the workers’ bodies’ physical needs. Rodchenko conceived of the furniture and the objects he designed as extensions of the human body, with which they entered relations of comradeship. The previously opposing and separate arenas of human culture and non-human nature were configured as much more continuous.

Meanwhile, the political architects of the Soviet project led by Lenin went down a different route. They felt that only mass industrialisation using the Taylorist and Fordist model borrowed from the US would fulfil the urgent needs of the population quickly and effectively enough to stabilize the new system against imminent counter-revolutionary threat. In agriculture such thinking

ОС: Что это был за архив, который вам удалось спасти?

ЭХ: У нас был фотограф на полной ставке и фотолаборатория в институте. Фотодокументация всегда сопровождала наши изыскания: ботва, ботва, картофель, картофель, картофель, ну и так далее... Но в обязанности фотографа также входила и документация развития рабочих и жизненных условий в институте и в деревне: праздники урожая, например, или спортивные события, первый день в школе, коллективная прогулка, ну и все остальное. Архив очень разнородный.

ОС: Когда был основан Институт растениеводства? Р.Хладич (читает):

«В апреле 1948-го правительство Мекленбурга постановило основать Институт растениеводства в Гросс Люезвице» [цитата из: Hans Wagemann (Ed.): Von der Deutschen Akademie der Landwirtschaftswissenschaften zu Berlin zur Akademie der Landwirtschaftswissenschaften der DDR. Ein Beitrag zur Geschichte 1951-1991. Berlin 2006]

ЭХ: В результате Второй мировой войны, после 1945 года, возникли проблемы с продовольствием. Население больших городов страдало от голода. В то время картофель был основным продуктом в рационе. Производство семенного картофеля должно было быть

и заниматься администрированием закрепленных постулатов. Американский философ Сюзан Бак-Морс описывает ранние годы Советского Союза как небывалый подъем и последующее сворачивание возможностей. Ее книга «Мир грез и катастрофа» рассказывает историю индустриализации страны при Ленине, включая сельское хозяйство, и параллельно — историю советского художественного и архитектурного авангарда. В этой истории оптимизм ранних постреволюционных лет столкнулся с небывалым продовольственным дефицитом, голодом и бедностью населения. Несмотря на серьезность этих проблем, авангард отреагировал на них расширением круга своих формальных поисков, сдвигая свое понимание материализма от отношений между людьми к отношениям между людьми и окружающей средой. Например, Татлин, как известно, разбил мостовую во дворе Ленинградской Академии Художеств и высадил в проломе картофель, утверждая важность «здоровья и естественных принципов» наравне с «органической формой». Последние должны были заменить западные идеи о предмете искусства, которые Татлин считал бесполезными. Градостроительные планы Мельникова предлагали модели, в которых взаимопроникающие естественные и искусственные

were all young and single and lived in terrible conditions at first. But we had a director, Professor Schick [Rudolf Schick (1905-1969)]; Inaugural director of the Institute for Plant Breeding; 1948-1969], who inspired us all.

The first thing you needed when you came to Groß Lüsewitz was rubber boots. Working as a volunteer in my spare time, I helped build the areas around the Institute. I still know exactly which part of the road I put sand in. You never forget that.

The breeder of Adretta, Dr Möller [Karl-Heinrich Möller (1921-2007); scientist at Institute for Plant Breeding; 1949-1990] came to Groß Lüsewitz as a young man. Professor Schick put him in charge of organising and carrying out the breeding of new potato varieties. So he became a successful breeder.

Although it was not what I trained in and I didn't study, I was temporarily head of the computing department. In Groß Lüsewitz that kind of career was possible. The differences between scientists, professors and assistants were not as pronounced as they are today. We always spoke to each other as equals.

ÅS: The Institute was a project marked by great optimism, wasn't it?

EH: Professor Schick was very charismatic and was able to motivate us young people. Of course, it was not apolitical. Everything is political if you look at it that way, but he didn't keep

meant, for example, that even the existing proto-communist Obshchinas – traditional village communities based on collective ownership – and their specific forms of relating to each other and the land, were rooted out and replaced with a system of large-scale industrialised farms, such as existed in the West (albeit organised as co-operatives). As this economic model was implemented in the late 1920ies, ideological discussion of and experimentation with aesthetic and social form was increasingly curtailed. Socialist realism became official doctrine, and the adoption Western modernist modes of industrialisation reinstated an antagonistic concept of the human-nature-relationship.

When the Plant Breeding Institute in Groß Lüsewitz was founded in 1948 in the Soviet occupied zone, it too, was built up in the face of a post-war reality of food shortages and a constant danger of social unrest or mass-emigration to the West. It too, under the strong tutelage of the Soviet leadership, implemented a top-down industrialisation of the agricultural sector in order to produce enough food, quickly enough. But by the 1960ies, in the Soviet Union and the GDR alike, existential fears of hunger and starvation, and by implication, of counter-revolutionary unrest, gave way to enthusiastic hopes of future plenty, as the “Scientific-Technological Revolution” gathered speed and offered a seemingly boundless potential for exponential growth. The drive towards technological progress opened up – for many citizens and

значительно увеличено для обеспечения необходимых запасов. Это и было целью Института растениеводства. Многие селекционеры эмигрировали после войны в Западную Германию вместе со своим селекционным материалом. Тот небольшой по объему материал, который удалось собрать здесь, нужно было быстро пустить в оборот. Необходимо было наладить селекцию новых видов и консервационную селекцию одновременно со строительством института. Это была непростая задача. Молодые люди со всей страны прибывали сюда. Так же и я попал сюда по распределению в 1954 году. Мы все были молоды и неженаты, жили поначалу в жутких условиях. Но у нас был директор, профессор Шик (Rudolf Schick (1905-1969)); первый директор Института растениеводства, с 1948 по 1969 г.), который вдохновлял нас всех.

Вещью первой необходимости по прибытии в Гросс Люзевиц были резиновые сапоги. Работая волонтером в свободное время, я помогал обустроить территорию вокруг института. До сих пор помню, какие участки дороги я засыпал песком. Никогда этого не забуду.

Селекционер Адретты, Доктор Меллер (Karl-Heinrich Mueller (1921-2007)); научный сотрудник Института растениеводства с 1949 по 1990 г.) прибыл в

среды обитания спроектированы с расчетом на телесные нужды трудящихся. Родченко же предлагал изготавливать мебель и прочие объекты как продолжения человеческого тела, с которым они должны быть товарищами. В результате этих предложений сферы человеческого и природы, до этого четко разделенные, получили продолжение одна в другой.

Тем временем политические архитекторы советского проекта, ведомые Лениным, сделали ставку на массовую индустриализацию, используя тейлористские и фордистские методы, с целью удовлетворить срочные нужды населения и стабилизировать политическую ситуацию для недопущения контрреволюции. Для сельского хозяйства это означало, что общинный протокоммунистический уклад деревни с его устоявшейся системой отношений между землей и людьми должен был быть заменен на систему крупных индустриализированных колхозов. В то же время с ростом индустриализации в конце 1920-х годов сворачивается и дискуссия о формальных эстетических и общественных экспериментах. Социалистический реализм занимает почетное место официальной доктрины, а адаптация западных форм индустриализации возвращает антагонистическое понимание отношений человека и природы.

harping on about socialism every day, the work had to be done. Potatoes, potatoes, potatoes, they came before everything else.

ÅS: How did Adretta and its success come about?

EH: Agriculture was reformed in the GDR in the 60s. During collectivisation land was combined – not exactly voluntarily – into large co-operatives farms [LPG]. Of course that changed the overall production relationships in agriculture, and accordingly for the potato, too. The potato is obviously a living organism, but it was handled as if it was coal. The result was lots of damage and, because of that, large losses. People living in cities who stored the potatoes in their basements had to bear those losses and were justifiably unhappy.

Adretta later proved to be a good new variety. It was very well suited to large-scale production: it was robust and withstood handling, it tasted good and didn't rot. People were happy.

In the GDR women's underwear was also called Adretta. [Laughter] I mean there was a brand called Adretta. We always made a lot of jokes about it.

ÅS: How big was the Institute and the village?

EH: Just over 600 people were employed at the Institute. The population of the village in 1989 was over 1000. Every year 20 or 30 children were enrolled in school in Groß

also and especially, the inhabitants of Groß Lüsewitz – concrete trajectories for meaningful, fulfilling and socially valuable socialist lives.

But unlike the techno-projections of the early avant-gardes, this growth and consumption oriented concept of technological progress continued a deep contradiction that cut to the foundation of the Socialist project's legitimacy: As it placed more emphasis on the technological expertise of scientists and economists, and shifted the race between the socialist and the capitalist model even more firmly from the philosophical/ideological to the technological/economic realm, it endangered the political elite's hold on to its own interpretive, ideological authority. In the 80ies GDR, under Honecker's reign, an even more decisive shift towards a consumer-goods oriented production, had to be counterbalanced by a tightening of cultural and ideological regimes. As the economy crumbled and failed to deliver, those who had bought into Honecker's logic of immediate material reward came to the only logical conclusion – and left in the direction of the capitalist West. And yet, the GDR did not disappear through quiet economic collapse. It ended, because hundreds of thousands of people – me, the author, among them – took to the streets in October 1989, to ask not for better or more plentiful consumer choices, but for a Socialism that would make good, finally, on its founding promises. In the early months of the revolution, before nationalist and

Гросс Люзевиц еще молодым человеком. Профессор Шик сделал его ответственным за организацию селекции новых сортов картофеля. Так он стал успешным селекционером. Несмотря на то, что я никогда не изучал вычислительной техники, меня временно назначили главой вычислительного отдела. В Гросс Люзевице такое развитие карьеры было возможно. Разница между научными сотрудниками, профессорами и ассистентами была не так явно выражена, как сейчас. Мы всегда говорили друг с другом на равных.

ОС: Проект института придавал оптимизм сотрудникам, не так ли?

ЭХ: Профессор Шик обладал харизмой и был способен мотивировать нас, молодых людей. Конечно, его харизма не была аполитичной. Все так или иначе связано с политикой, если на это посмотреть в определенном ключе, но он не твердил о социализме каждый день, просто работа должна была быть сделана. Картофель, картофель, картофель – прежде всего.

ОС: Как появилась на свет Адретта и с чем связан ее успех?

ЭХ: Сельское хозяйство было реформировано в ГДР в 1960-х. Во время коллективизации земли были обобщены, правда, не сказать, чтобы это происходило добровольно, в кооперативные

Когда в 1948 году на территории, оккупированной Советским Союзом, был построен Институт растениеводства в Гросс Люзевице, перед ним также стояли проблемы продовольственного кризиса и связанные с ним возможные народные волнения или массовая иммиграция в Западную Германию. Под советским покровительством институт разрабатывал методы директивной индустриализации сельского хозяйства, подходящего для быстрого производства достаточного количества продуктов питания. Однако к 1960-м годам как в Советском Союзе, так и в ГДР страх перед голодомором и вытекающей политической нестабильностью сменяется энтузиазмом научно-технической революции, обещающей открыть дорогу к неограниченному экономическому росту. Стремление к техническому прогрессу наполнило смыслом многие социалистические жизни, включая и жителей Гросс Люзевица.

В отличие от техноэкспериментов раннего авангарда, концепция прогресса, ориентированная на рост потребления, обнажила основное противоречие легитимности советского проекта. Чем больше внимания уделялось научной компетенции ученых и экономистов, тем больше советский проект смещал акцент со своей альтернативности Западу

Lüsewitz! And now it's only ten. We were all of reproductive age. [Laughter]

RH: And we had everything here, kindergarten, day care, after-school care...

EH: Well, there were a lot of young people who came to Groß Lüsewitz. Homes were then built here and families were created. A lot still live here. And I still live here too. We're growing old here.

ÄS: How was it after 1990 then?

EH: It was indescribable. It was an almost lawless time that lasted about 18 months. The laws of the GDR were no longer observed and no one knew the new laws. There were a lot of people who were taking the mickey. They did a great deal of damage in the end. We wanted to reorganise the village, but they threatened us with new laws, which were then gone again straight away. Then came the next one, it was that law, and then another one.

RH: Everyone thought it would all get better. Which brings us to the benefits this village was offered: the West German Mark and the freedom to travel. Then all the positives slowly fell away: the shops disappeared, the doctors and so on.

EH: There was a time when everyone knew everyone here. Most workers from the Institute and the farms, the local school children – everybody had their lunch in the dining room of the work kitchen. The whole village met

pro-reunification voices started to change the perception and direction of the events, the discussions I witnessed around me reverberated with an optimism – a sense, that a better world was conceivable and that we had a stake in designing it – that I imagine had not been felt since the spring of 1968 or the years after the autumn of 1917.

After the reunification, this short-lived emancipation was followed and replaced, quickly and completely, with the totalitarian logic of money and cost. A citizenry that had just brought a seemingly unshakable power apparatus to its knees, was now asked to submit to the logic of capital, in which the mass-privatisations, closures of enterprises, dismissals of workers and employees was presented not as the better, but the only possible, that is economically viable, path – no matter how high its human cost. The logic of money expressed itself then, and expresses itself today in the dictum, which precludes any political discussion, that there is no alternative.

And indeed, on a purely material plane, the transition left most people in East Germany, including those out of work, vastly better off. The fact, that Hielscher and Hladitsch (like many East Germans) nonetheless frame this transition in terms of loss, points to a shared understanding that financial and material advancement is not the be all and end all of a better life. A space of discussion opens, in which a communist logic asserts itself. ♦

хозяйства. Естественно, это заменило все производственные отношения в сельском хозяйстве, коснулось это и картофеля. Картофель, естественно, – живой организм, но с ним обращались так, как будто бы он был каменным углем. В результате наносился большой ущерб и случались большие потери урожая. Горожане, хранившие картофель у себя в подвалах, как раз обнаруживали эти издержки и справедливо были этим не очень довольны. Позже Адретта проявила себя как хороший новый сорт. Она хорошо подходила для масштабного производства: была надежна и хорошо переносила механические воздействия, обладала хорошим вкусом и не гнила при хранении. Люди были довольны. В ГДР женское нижнее белье тоже называлось Адретта. (Смеется.) Я имею в виду: было такое фирменное название... Мы всегда шутили по этому поводу.

ОС: Насколько большими были институт и деревня?

ЭХ: Немногим более 600 человек работало в институте. Население деревни в 1989 году составляло более 1000 человек. Каждый год около 20 или 30 новых учеников поступало в школу Гросс Люзевица! Сейчас – только 10. Мы все тогда были в репродуктивном возрасте. (Смеется.)

РХ: И у нас здесь было все, что

на гонку технологий, тем самым принимая единые условия игры, предлагаемые потребительской экономикой. Игра на одном поле с капитализмом, таким образом, подрывала сами идеологические основания социалистического проекта и авторитет его политических элит. В 1980-е годы ГДР под руководством Хонеккера сделало еще более решительный шаг в сторону потребительской экономики, за которым последовало идеологическое и культурное закручивание гаек. С развалом экономики те, кто купились на политику материальных благ Хонеккера, первые же и иммигрировали на капиталистический Запад. И, тем не менее, ГДР развалилась не из-за экономического коллапса, но из-за того, что сотни тысяч людей, включая и меня, вышли на улицу в октябре 1989-го – и не с лозунгами за потребительское разнообразие, но с требованиями к Социализму наконец-то ответить на свои собственные обещания. В первые месяцы революции перед тем, как националистические голоса и требования воссоединения [Германии] начали изменять картину протеста и его направление, в дискуссиях окружающих меня слышался оптимизм надежды на то, что лучший мир возможен и мы сможем принять участие в его устройстве. Похожие слова, как мне кажется, можно было услышать весной 1968-го или осенью 1917-го.

up there. It was a good opportunity to share information and also a bit of gossip.

But today going through the village [shrugs shoulders]... you know one or two of the older ones and say hello, but with the younger there's hardly any contact.

RH: We had this concept back in the GDR: interpersonal relationships.

These were, you have to concede, much stronger then. Isolation, with the motto, 'I go home, shut the door and prefer to know nothing,' was something our people adopted very quickly. It's such a negative attitude it would have been better if they hadn't.

EH: Over in the village there were always two-family houses with a shared courtyard. Then they were sold and straight away there were disputes: 'He always drives his car over my side – he can't do that!' It started the moment there was private ownership. That fundamentally changes people. ♦

Thanks to Andrea Bellu for interpreting and transcription.

References:

Karin Hartewig, and Alf Lüdke. Die DDR im Bild: zum Gebrauch der Fotografie im anderen deutschen Staat. Göttingen: Wallstein, 2004; esp. 181.

Susan Buck-Morss. Dreamworld and Catastrophy: the Passing of Mass Utopia in East and West. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002; see esp. Chapter 3.3 "The Nature of Machines"; 118 ff.

Dietrich Staritz. Geschichte der DDR. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1985; esp. 27 f., 54, 220 f.

Brangsch, Lutz. "Ist das Kommunistische ökonomisch möglich? Vom Umgang mit dem Scheitern." In Das Kommunistische Oder: Ein Gespenst kommt nicht zur Ruhe. Hamburg: VSA, upcoming 2016.

Groys, Boris. The Communist Postscript. London: Verso, 2010.

нужно: детский сад, «продленка» и прочее...

ЭХ: Ну да, поскольку много молодых людей приехало в Гросс Люзевиц. Для семей были построены дома. Многие до сих пор живут здесь. И я тоже старею здесь.

ОС: *Что изменилось после 1990-20?*

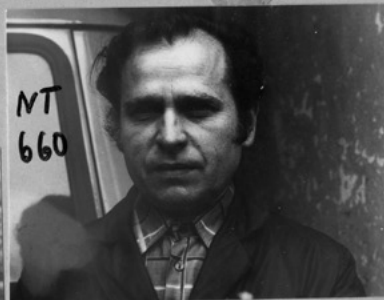
ЭХ: Это было неопишимо. Это было практически беззаконие, продолжавшееся 18 месяцев. Законы ГДР больше не имели силы, но никто не знал новых правил. Многие начали пить, в последующем они причинили много беспокойства. Мы хотели реорганизовать деревню, но они угрожали нам новыми законами, которые, конечно, тут же менялись на еще более новые.

РХ: Все думали, что настают лучшие времена, которые принесут нам привилегии немецкой марки и свободу передвижения. Но ажиотаж сошел на нет ко времени исчезновения сначала магазинов, потом медицинского обслуживания и так далее.

ЭХ: Было время, когда все здесь знали друг друга. Большинство работников из института и ферм, дети из местной школы — все обедали вместе в столовой рабочей кухни. Вся деревня встречалась там. Это была хорошая возможность посплетничать. А сегодня, проходя по деревне (пожимает плечами)... ты, может, знаешь

После воссоединения за непродолжительным чувством свободы последовала тоталитарная логика денег и издержек. Гражданская инициатива, которая только что сломала казавшийся незыблемым государственный аппарат, теперь была поставлена перед капиталистическими фактами: массовая приватизация, закрытие нерентабельных производств, массовые увольнения. Эти меры были представлены не просто как лучший, а как единственно возможный — то есть, экономически рентабельный — путь развития, несмотря ни на какие человеческие затраты. Логика денег проявила себя сейчас в вере в полное отсутствие какой-либо альтернативы. И ведь, действительно, чисто в материальном плане переход к рынку оставил людей в Восточной Германии, даже тех, кто потерял работу, в общем-то, в лучшем положении. Однако тот факт, что Хильшер и Хладич (как и многие восточные немцы) описывают переход в понятиях потери, указывает на общее понимание того, что финансовое благополучие не может быть абсолютной целью жизни. Поле для дискуссии, в которой коммунистическое мышление заявляет о себе, остается открытым. ♦

27

KH-Verein Groß Lüsewitz
Archiv E 1-2

одного или двух стариков, с которыми здороваешься, но с молодыми практически нет никакого контакта.
PX: У нас был такой концепт в ГДР: межличностные отношения. И они, я должен признать, были гораздо сильнее в то время. Изоляция под лозунгом «Я иду домой, закрываю дверь и не хочу ничего знать» быстро была адаптирована. Это негативное отношение, лучше бы его у них не было.

ЭХ: По всей деревне были построены дома для двух семей с общим двором. Когда они были приватизированы, сразу начались споры: «Он всегда проезжает через мою половину на машине!» Это началось с приходом частной собственности, которая фундаментально изменила людей.♦

Спасибо Андрее Бэлли за перевод с немецкого.

Литература:

Karin Hartewig, and Alf Leudke. Die DDR im Bild: zum Gebrauch der Photographie im anderen deutschen Staat. Göttingen: Wallstein, 2004; esp. 181.

Susan Buck-Morss. Dreamworld and Catastrophy: the Passing of Mass Utopia in East and West. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002; see esp. Chapter 3.3 "The Nature of Machines"; 118 ff.

Dietrich Staritz. Geschichte der DDR. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1985; esp. 27 f., 54, 220 f.

Brangsch, Lutz. "Ist das Kommunistische ökonomisch möglich? Vom Umgang mit dem Scheitern." In Das Kommunistische Oder: Ein Gespenst kommt nicht zur Ruhe. Hamburg: VSA, upcoming 2016.

Groys, Boris. The Communist Postscript. London: Verso, 2010.

2x Pilled-mashie

V330A

V330A

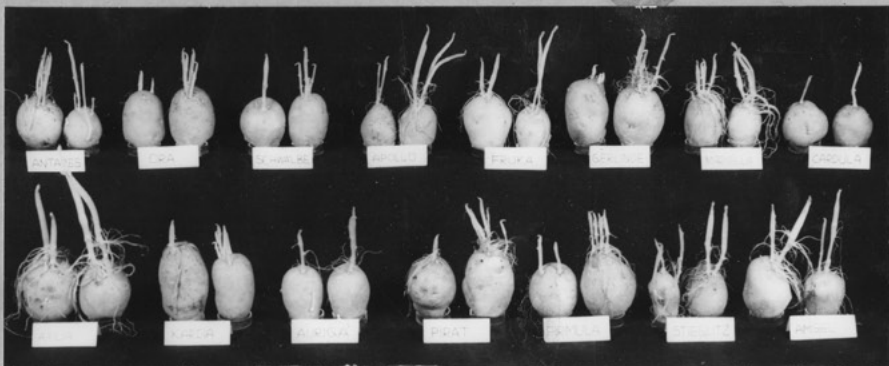

V330A

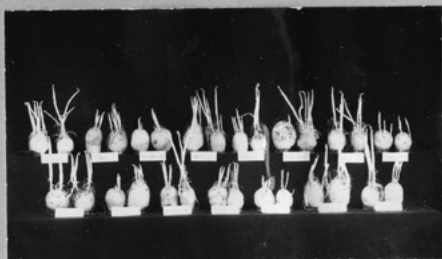
← NT194

(97)

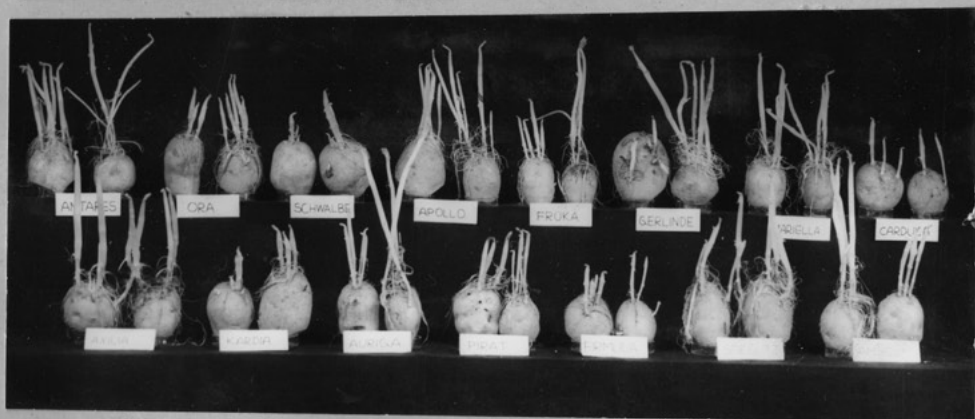

~~Dr. Burck~~ Jan. 73

NT 321

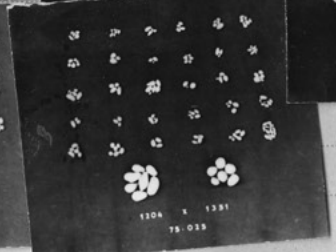
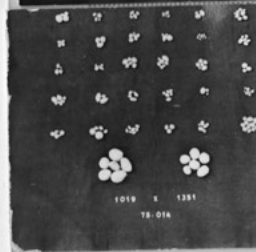
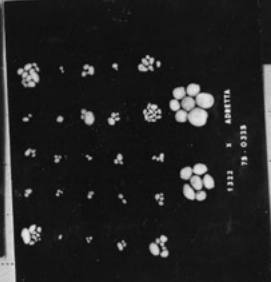
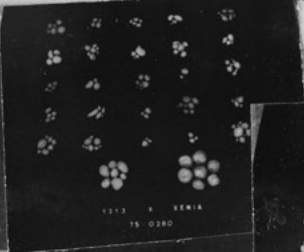
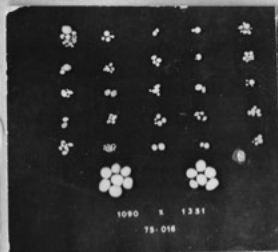
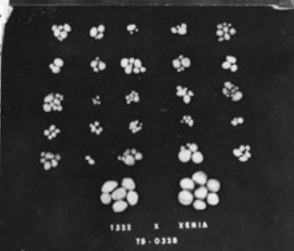
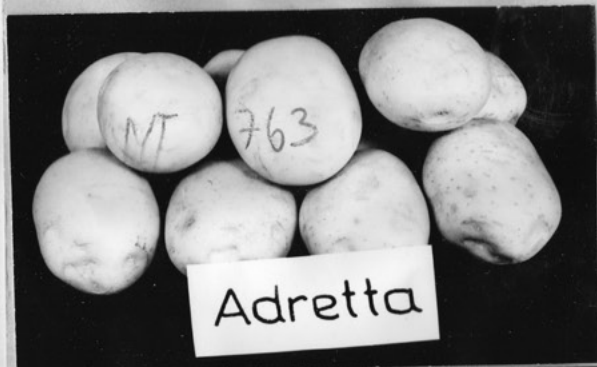
NT 326
1.3.73
Dr. Burck

NT 331

Dr. Burck NT 532

Knollen sind
Dr. Trömann
alle NT 795

What does it mean, when the planned economy farming system that Adretta was bred for doesn't exist any longer, while the plant, with its archived knowledge, does?

INTERVIEW BY ÅSA SONJASDOTTER AND ANDREA BELLU WITH LISELOTTE PAPENHAGEN AND DR FRIEDRICH PAPENHAGEN, APRIL 2012

Liselotte Papenhagen came to Groß Lüsewitz in 1958, when she was 22 years old, to work as a technical assistant at the Institute for Plant Breeding [to be transformed 1972 into the Institute for Potato Research]. After the closure of the Institute in 1991, Mrs Papenhagen was employed until 1996 at the Institute for Plant Breeding Research on Agricultural Crops – a facility that, along with two other institutes, emerged from sections of the former Institute for Potato Research.

Dr Friedrich Papenhagen came to Groß Lüsewitz in 1952 as an apprentice at the age of 18. After studies in Rostck, he returning to the Institute for Plant Breeding where he worked as a breeder. After the German reunification, Dr Papenhagen became head of a new breeding department at Norika. The company had been founded in 1990 by a conglomerat of West German food processing industries formed specifically for the buyment of the former Institute's breeding department. Norika took over some of the Institute's plant material

COMMENTARY ESSAY BY ÅSA SONJASDOTTER, OCTOBER 2015

Åsa Sonjasdotter is an artist (born 1966 in Helsingborg/Sweden) who brings about processes of matter, memory, loss and prospect, through the cultivation of plants, imagery and stories.

The fact that the special features of Adretta made it such an immense success in the GDR and Soviet Union shows that breeding always takes place within and for a specific farming system, which in turn is shaped by its societal and natural contexts, needs and desires. Breeding is, therefore a socially conditioned activity. But —as the photographic documentation so vividly shows— it is also a multi-specie collaboration involving plants and humans, microorganisms, soil, etc. It is through continuous breeding since prehistoric times that cultivated plants have developed features making them edible for humans. So-called wild potatoes are tiny and bitter, not really useful as human feed. In this way, breeding is at the core of cultivation. In fact, it is cultivation in the terms' very basic sense: making liveable in

Что означает ситуация, когда плановая экономика и сельскохозяйственная система для которой была выведена Адретта больше не существует, в то время как растение вместе с архивом знаний скрытом в нем по-прежнему живет?

ИНТЕРВЬЮ Л.ПАПЕНХАГЕН И ДОКТОРА Ф.ПАПЕНХАГЕНА ДЛЯ О.СОНЬЯСДОТТЭР И А.БЕЛЛУ, АПРЕЛЬ 2012

Лизелот Папенхаген приехала в Гросс Люзевиц в 1958 году, когда ей было 22 года, для работы ассистентом в Институте растениеводства (в 1972 г. переименованном в Институт исследования картофеля). Л. Папенхаген продолжила работу до 1996 года в Институте исследований растениеводства сельскохозяйственных культур, образовавшемся вместе с двумя другими институтами после закрытия в 1991 году Института исследования картофеля.

Доктор Фридрих Папенхаген приехал в Гросс Люзевиц как ученик в 1952 году в возрасте 18 лет. После обучения в Росток он вернулся в Институт растениеводства для работы селекционером. После воссоединения Германии Ф. Папенхаген возглавил новый селекционный отдел в «Норике». Компания было

КОММЕНТАРИЙ О.СОНЬЯСДОТТЭР, ОКТЯБРЬ 2015

Художница Оса Соньясдоттэр (родилась в 1966г. в Хэлсингборге, Швеция) работает с процессами, в которых память, потери и обещания находят свое выражение в выращивании растений, изображениях и историях.

Сам факт того, что характеристики Адретты позволили ей добиться такого успеха в ГДР и Советском Союзе, говорит о том, что селекция вида всегда ведется для определенной системы хозяйствования, которая, в свою очередь, оформляется благодаря своим общественным и естественным контекстам, нуждам и желаниям. Таким образом, селекция — это общественно обусловленная активность. Но, как ясно из фотографий архива, это еще и межвидовое сотрудничество, включающее растения, людей, микроорганизмы, почву и прочих участников. Именно через

as well as the right to propagate and distribute some of the potato varieties that were registered in the GDR, including the Adretta. The company has today about 80 employees.

Åsa Sonjasdotter: As a breeder at the Institute, were you developing varieties that were not dependent on chemicals?

F. Papenhagen: As breeders we were always interested in replacing pesticides with resistance. I still think it's a very important goal. We must get away from the vast amounts of chemicals and find a way to build resistance through breeding. That was always the goal of breeding in GDR times and also at Norika. However it changed somewhat. At Norika we had better pesticides available than previously. So some resistances didn't get as much attention any more. Cancer resistance, for example: in the GDR all varieties had to be cancer resistant, but at Norika that was no longer a prerequisite for approval.

ÅS: Were varieties from the former GDR more robust than varieties bred in the West?

FP: That's right. In the GDR we selected for robustness. The Adretta potato spread quickly and widely, principally, because it had that robustness.

ÅS: Was it also because less chemicals were at hands in potato cultivation in the East?

FP: Yes, you could say it in that way.

co-action.

The result of breeding is a knowledge that is archived in the plant in the form of a new variety, and by humans as a farming method. It is a knowledge that needs to be maintained, i.e. cultivated, by both humans and plants collaboratively in order to stay operative. When it comes to potatoes, this knowledge is especially fragile, since it is archived in the tuber of the plant, not in the seed, as is otherwise common for most plants. Seeds are far more stable as archives compared to tubers. Seeds can stay dormant for years or even centuries, while tubers can be stored only from one season to the next (or for a few years when kept in stable cold temperatures which manipulate their dormancy). The human-potato dialogue, made manifest through its broad diversity, must therefore be cared for season after season, uninterrupted, in order to stay alive.

The existing potato varieties at hand in the early days of the GDR had mainly been bred within and for a small-scale farming cultures and could not handle the harsh treatment of mechanic harvesting. The varieties were many and diverse, adapted to suit local microclimates and cooking traditions. When the small farms were transformed into large Agricultural Farming Coops (*Landwirtschaftliche Produktionsgenossenschaften*), their plant fellows fell out of pace. Nevertheless, while the old farming system was abandoned, the knowledge archived in the plant varieties was not.

основана в 1990 году через выкуп институтского отдела селекции специально созданной конгломерацией западных немецких сельскохозяйственных предприятий. «Норика» унаследовала часть материалов института вместе с правами на распространение и выращивание некоторых сортов картофеля, зарегистрированных в ГДР, включая Адретту.

О.Соньясдоттер: Работая селекционером в институте, разрабатывали ли вы сорта, которые не зависят от использования химических продуктов?

Ф.Папенхаген: Селекционеры всегда интересуются возможностью замены пестицида на естественную устойчивость. Я по-прежнему считаю, что это очень важная задача. Мы должны найти способ ограничить использование химических продуктов и обеспечить резистентность через селекцию. Это всегда было основной целью селекции во времена ГДР и остается таковой в «Норике». Но с того времени произошли некоторые изменения. В «Норике» для нас стали доступны пестициды лучшего качества, чем раньше. Так что сопротивляемости некоторым болезням больше не уделялось особого внимания. Резистентности раку, например: в ГДР все сорта должны были обладать ею в обязательном порядке, но в «Норике» это больше не являлось

непрерывное культивирование с доисторических времен растения выработали свойства, которые делают их съедобными для людей. Так называемый дикий картофель имеет миниатюрные и горькие клубни, непригодные для питания человека. Таким образом, сортоводство является основой культивирования, ведь по сути дела выведение новых сортов открывает для нас его основное значение: взаимное приспособление видов и совместное производство пригодных для жизни условий.

Результат селекции — знания, которые архивируются в растении в виде его новой разновидности и человеком в подходящих способах хозяйствования. Для того чтобы оставаться актуальным и действенным, этот тип знания требует взаимной поддержки со стороны растений и человека. В случае картофеля это особенно хрупкое знание, поскольку оно сохраняется в клубнях растений, а не в семени, как это происходит у большинства других видов. Семена гораздо более устойчивы как архивы знаний, по сравнению с клубнями. Семена остаются плодородными годами или даже веками, в то время как клубни могут храниться только один сезон (или несколько, если хранятся при стабильной холодной температуре). Иначе говоря, продолжение диалога человека и картофеля, обнаруживающее

Many more chemicals are used today than was the case in the GDR.

Andrea Bellu: What was the reason chemicals were not used in the GDR?

FP: There weren't many chemicals available. But it was also a goal of breeding to use fewer chemicals. That was a major task for breeding. It costs a lot of money to use chemicals. When a variety has the right resistances you save money on pesticides.

ÅS: Before Adretta was approved, there was a lot of pressure on the Institute to breed new varieties. Where did it come from?

FP: In the 60s there was a very difficult period for the Institute, politically, because there were big problems with the storage durability of the potatoes. Agricultural Production Cooperatives were formed that needed bigger machines for harvesting and processing. These machines were poorly constructed at first and caused serious damage to the potatoes. When potatoes are damaged and poorly stored, they rot. At that time there were only a few warehouses. In the GDR, most of the potatoes were stored at home in people's basements. That led to rotten potatoes and many complaints from people – about 40.000 – I still remember that number.

Then it was a political issue, of course: if the general public is unhappy, politicians must respond. There was a lot of criticism of potato breeding

The breeders at the Institute for Plant Breeding in Gross Lüsewitz knew that these varieties and the diverse memories they carried were extremely valuable and necessary for future breeding. A gene bank was built up at the Institute for the conservation of these and other older varieties to serve as bred memory safeguards for an unknown future.

It was the Russian botanist Nikolaj Vavilov who in 1926 established the first systematic gene bank in Pavlosk, near Sankt Petersburg. The bank was built up through botanical-agronomic expeditions around the world, encouraged and financed by Lenin for the collection of farmer-bred varieties that would provide a base for the genetic engineering of cultivars and help build the revolutionary agricultural industry. This new and scientific approach to breeding—transferred into the controlled laboratory environment—aimed at constructing cultivars that could boost production outputs, something that was essential for a stable and fast development of the new state-socialist project. This shift towards a biopolitical connection between state and seed emerged at the time both in the East and in the West in parallel.

However, the active dialogue among scientists in the emerging international field of genetics, was cut short in the Soviet Union when, in 1940, Vavilov, who had built a world-leading research institute of agricultural sciences including a department in New York, was

obligatory condition.

ОС: *Были ли сорта, выведенные в ГДР, более устойчивыми, чем западные аналоги?*

ФП: Да, в ГДР мы выводили сорта с особой устойчивостью. Картофель Адретта распространился быстро и широко, поскольку обладал высокой устойчивостью и выносливостью.

ОС: *Было ли причиной тому отсутствие химических сельскохозяйственных продуктов в ГДР?*

ФП: Да, можно сказать и так. Сегодня на полях используется гораздо больше химии, нежели в ГДР.

А.Беллу: *По какой причине химические продукты не применялись широко в ГДР?*

ФП: На тот момент они были недоступны. Но и сама цель селекции была в создании сорта с меньшей зависимостью от химических удобрений и пестицидов. Применение химии обходится очень дорого. Поэтому, если сорт обладает естественной сопротивляемостью — можно сэкономить много денег.

ОС: *Когда Адретта еще не была одобрена, много давления оказывалось на институт, требовали новые сорта. Кто стоял за этим?*

ФП: 1960-е годы были сложным периодом для

себя через разнообразие сортов и разновидностей, зависит от того, поддерживается ли он от одного посадочного сезона к другому.

Разновидности картофеля, находившиеся в обороте в ГДР, в основном были выведены для малых фермерских хозяйств в самих этих хозяйствах. Их свойства совершенно не подходили для суровых условий механизированного сбора урожая. К тому же, сорта их были чрезвычайно многообразны, что соответствовало многообразию местных микроклиматов и способов приготовления картофеля. Но в тот момент, когда мелкие хозяйства были преобразованы в более крупные единицы — сельскохозяйственные производственные кооперативы, ранее использованные сорта оказались не у дел. Однако, даже если старые способы хозяйствования вышли из использования, знание, сохраненное в сортах растений, не потеряло значимости. Сортоводы Института растениеводства в Гросс Люзевице были знакомы с этими сортами, и опытное знание их свойств сыграло важное значение в выведении новых разновидностей. Для сохранения старых сортов в институте был устроен генофонд, хранящий историю селекции.

Ботаник Николай Вавилов первым обустроил систематический генофонд

from the highest echelons, from the ministry and the politburo. They put the blame on the breeding, saying, “You’ve bred no varieties suitable for industrial production.” A lot was demanded of the Institute for Plant Breeding. The structure of the company was then changed. Parts of the Institute were relocated and the potato breeding acreage was increased. So the name was changed to Institute for Potato Research.

For approval, a variety needed to have advantages in comparison with existing varieties. Adretta had a lot of advantages: it could withstand damage relatively well, it could tolerate machine sorting at harvest better than other varieties. It matured relatively early. And it has a very special flavour, especially for a floury variety. Mealy varieties were preferred in the East. Another advantage of Adretta is the round shape of the tuber. Professor Schick set this out as a breeding goal at the very beginning: “The potatoes ought to look like tennis balls,” so they would roll nicely through the machine and could be sorted more easily. The breeding lines of long tubers were all thrown away.

Later, with Norika, when I took over the breeding division, a big problem awaited us. Suddenly the processing industry demanded long, oval shapes especially for potato chip production.

L. Papenhagen: The peeling machines [in the GDR] were designed so that, in order to generate less waste, the potatoes had to be round.

dismissed and imprisoned by Stalin, accused of right-wing anti-Soviet organising. Vavilov was replaced by the agronomist Trofim Lysenko, who rejected the dominant Darwinian-Mendelian theory centred around the genetic laws of inheritance. Instead Lysenko suggested a plastic view of biology, consistent with Marxist-Leninist dogma. Rather than *natural selection*, he launched the concept of *natural cooperation*. It might be argued that Lysenko’s ideas on breeding, where the burden of heredity is cut off and the slow and conservative pace of breeding over generations of plant cycles is speeded up, are realized by genetic modification today. But at the time such a fast and radical assemblage of living matter did not yet work in practice.

It is in this situation that the Gross Lüsewitz Institute for Plant Breeding, which was instigated even a few months before the GDR was formally established, took on an important role. The founder and head of the Institute, Professor Rudolf Schick, was both a visionary and pragmatic scientist. Though he had not registered in the party, he was able to resist the Politbureau’s request for the institute to approve Lysenkoism, and instead keep the research on a Mendelian, hereditary track. Schick managed to navigate a balance between ideological models and realistic prospects. The Institute grew into an internationally recognized research centre with over 600 staff members. As the Papenhagens describe, it came to play a central role in helping to

института политически, так как имелись большие проблемы с долговременным хранением картофеля. Новообразованные сельскохозяйственные кооперативы нуждались в масштабных машинных способах уборки и обработки урожая. Машины были не очень высокого качества на первых порах и создавали много отходов, причиняя ущерб урожаю. В случае, если картофель оказывается поврежден и после хранится в плохих условиях, то он начинает гнить. В то время было всего несколько складов, в ГДР большая часть картофеля хранилась у людей дома, в подвалах. Это все привело к гнилой картошке и большому количеству жалоб от населения — около 40 000 — я до сих пор помню число. Конечно же, это было и политической проблемой: если люди недовольны, то политики должны ответить на это. Из верхних эшелонов, из министерства и из Политбюро, прозвучало много критики в адрес методов селекции картофеля. Они винили селекционеров, говоря: «Вы не вывели ни одного сорта, подходящего для промышленного производства». Таким образом, от Института растениеводства ожидалось многое. Его структура была изменена, часть института передислоцирована, площадь под селекцию картофеля увеличена. Название соответственно было изменено на Институт

— в 1926 году в Павловске, неподалеку от Санкт-Петербурга. Образцы, входящие в фонд, были собраны в поддержанных Лениным ботанико-агрономических экспедициях по всему свету. Целью было собирание разновидностей растений, выведенных самими фермерами, которые должны были послужить основной для культивирования и генетической инженерии новых сортов. Последние же должны были стать основой для революционного промышленного сельского хозяйства. Этот новый научный подход к селекции, перенесенный в контролируемые лабораторные условия, был нацелен на производство сортов, способных быстро увеличить урожайность, необходимую для стабильного развития нового, социалистического государства. Установление подобной биополитической связи между государством и семенами растений возникает параллельно как на Западе, так и в Восточном блоке.

Как бы там ни было, активный диалог между учеными в новом международном поле генетики был свернут в Советском Союзе, когда в 1940 году Вавилов, который к тому времени организовал лидирующий в мире исследовательский институт сельскохозяйственных наук, включавший филиал в Нью-Йорке, был уволен с должности

FP: In the GDR most women worked. Everybody worked. And the children went into day care. What is being aimed for these days was already in place back then, especially here in Groß Lüsewitz. For the big work canteens, peeling machines were developed in order to save manual labour there. And for those, the round potatoes were better than the long potatoes—that was simply important. We had different goals than the West. We always said, “The life of the Institute depends on how quickly we can get a suitable variety onto the market.” We managed to allocate 1200 hectares for propagation as soon as Adretta was approved.

Andrea Bellu: When Adretta was finally approved, was it considered a big achievement?

LP & FP: Yes, it was a huge success!

FP: It was even recognised by the state. Dr. Möller [Dr. Karl-Heinrich Möller (1921 – 2007), plant breeder at the Institute for Potato Breeding, 1949 – 1990; breeder of the Adretta variety, registration 1975] and some employees were given a big award: Hero of Labour. The criticism of the party and the government decreased considerably. It was a kind of redemption. The Adretta potato saved the Institute.

LP: The most important thing above all others was that people were happy and calm. There was always anxiety that there could be riots if the population was not happy or if the

stabilise the food supply in both the GDR and the Soviet Union. The situation required sturdy and reliable varieties, and the work of the team at the Institute showed that breeding for these qualities was possible. The breeding of Adretta is an example of how humans in different situations—in this case the conditions of the state-socialist planned economy and its industrialised agriculture—have asked their co-specie fellows for very specific capacities. It also shows how plants have a surprising capacity to respond to these requests.

In the West, conditions for farming developed in a different direction after the World War II. Like in the East, the need to quickly remedy food shortages after the war was in most Western countries an incentive for an even stronger centralization and intensification of agriculture. However, in West the boosting of crop yields came to rely on chemical additives rather than sturdy plants. The US had become a global influential power and the American chemical industry that had delivered nitrogen for the production of explosives to the army, needed a new objective for its production and turned towards agribusiness. Breeding came to be geared towards a reliance on easy and cheap access to nitrogen fertilizers and synthetic pesticides. This was often done in conjunction, resulting in new types of plants with increased nitrogen-absorbing potential called NYV's (High Yielding Varieties), a famous component of the Green Revolution.

исследования картофеля. Для одобрения новый сорт должен быть обладать преимуществами по сравнению со старыми сортами. Адретта же обладала целым рядом преимуществ: она могла сопротивляться повреждениям, выдерживала машинную сортировку и обладала высокой урожайностью. Она созревала относительно рано. И у нее особенный вкус, особенно у мучнистой разновидности. В Восточном блоке предпочитались в основном мучнистые сорта. Другим достоинством была круглая форма клубня. Профессор Шик поставил задачу в самом начале: «Картофель должен выглядеть как теннисный мяч» — для того, чтобы он легко катался внутри машины и его легче было сортировать. Все селекционные линии с продолговатыми клубнями были остановлены. Позже, в «Норике», когда я возглавил отдел селекции, нас ждала большая проблема: неожиданно стандарты обрабатывающих компаний изменились, и все требовали овальную форму, которая хорошо подходит для производства чипсов. Д. Папенхаген: Чистящие машины [в ГДР] были спроектированы в расчете на круглый картофель, с которым они производили меньше отходов. ФП: В ГДР большинство женщин работали. Все работали. И дети ходили в детский сад. Тот образ

и посажен в тюрьму Сталиным по обвинениям в антисоветской деятельности. На место Вавилова был поставлен агроном Трофим Лысенко, который отрицал доминирующую в то время дарвиновско-менделевскую теорию, основанную на идее генетического наследования. Лысенко настаивал на пластическом понимании биологии, выведенном из догматической версии марксизма-ленинизма. Идею естественного отбора он заменил идеей естественной кооперации. Можно поспорить, что идеи Лысенко о селекции, подразумевающие отсутствие наследования признаков и, соответственно, обещающие возможность ускорения процесса селекции, независимого от медленной смены поколений растений, оказались реализованы сегодня посредством геной инженерии, дающей немедленный результат. Однако в то время, предложенная идея о возможности быстрой и радикальной трансформации живой материи не имела под собой практических оснований.

В такой ситуации Институту растениеводства в Гросс Люзевице, основанному даже несколькими месяцами ранее, чем ГДР была формально образована, выпало сыграть важную роль. Основатель и руководитель института профессор Рудольф Шик как ученый объединял в себе качества прагматика

system was thrown into question. The public quietened down again, they had their potatoes and so the problem was solved

ÅS: This also means that the potato was an essential food item?

LP: The potato was very important.

ÅS: How was the situation in countries to which Adretta was exported?

FP: We had to send potatoes to the Soviet Union for many years, even before Adretta came.

Bellu: Where there similar problems there as in the GDR?

FP: There were similar difficulties in the Soviet Union. Poland and Czechoslovakia didn't have the same problems because agriculture was organised differently there than in the Soviet Union or in the GDR.

ÅS: In that sense Adretta played an important role in the stability of a huge region?

FP: You could say that. Once, a freight car full of Adretta seed potatoes was sent to the Soviet Union as a kind of exchange. The success was phenomenal. Adretta spread faster there than anyone had ever foreseen.

ÅS: In which countries was Adretta grown?

FP: Adretta was grown on a large scale across the whole of the Soviet Union.

In breeding processes that push for the highest capacities, it is not possible for plants—despite their surprising adaptability—to meet all human wishes. Priorities have to be made. The most famous potato varieties bred in the former West, such as Bintje and Russet Burbank, are high yielding, but also very susceptible to diseases. They need large amounts of both fertilizer and pesticides. This is probably why Gala, the first variety bred by Norika (the company formed after the German reunification from the breeding department of Gross Lüsewitz's Potato Research Institute) continues to be one of the most popular varieties among farmers on the European market. Gala has the features needed for it to be successful on the capitalist market. The tubers are long and oval which allows for the production of long potato chips and produces less waste in the chip cutting machines. But like a Trojan horse, Gala has brought features of sturdiness from the plan economy into the capitalist market, features that have shown to be highly competitive. Gala is much appreciated by farmers, helping them save money previously spent on chemical fertilizers and pesticides and allowing for more time away from the tractor.

In contrast with the sensitive farmer bred varieties that she once superseded, Adretta has remained in the fields throughout the transformation of the agricultural system of the former socialist East from planned to capitalist economy. Adretta is a much-loved variety, cultivated all around the post-

жизни, к которому сейчас все стремятся, уже существовал в то время, особенно у нас в Гросс Люзевице. Для больших столовых были разработаны картофелечесиящие машины для экономии ручного труда. И для этих машин круглый картофель подходил лучше, чем овальный — форма имела значение. У нас были другие цели, нежели на Западе. Мы всегда говорили: «Жизнь института зависит от того, как быстро мы сможем выпустить подходящий сорт на рынок». Нам удалось выделить 1200 гектаров под разведение, как только Адретта была одобрена.

АБ: Когда Адретта была наконец одобрена, считался ли этот сорт большим достижением?

ЛП и ФП: Да, конечно, это был большой успех!

ФП: Даже государственный аппарат признал это. Доктор Меллер (Доктор Карл-Хайнрих Меллер (1921-2007), научный сотрудник Института растениеводства в 1949-1990 гг.; селекционер сорта Адретта, зарегистрированного в 1975 г.) и некоторые другие сотрудники получили Героев Труда. Критика со стороны правительства и партии сошла на нет. Это было нашим своеобразным отмщением, ведь картофель Адретта спас институт.

ЛП: Самым важным было то, что люди были довольны, сыты и спокойны. Всегда присутствовал

и визионера. Несмотря на отсутствие партбилета, он удачно сопротивлялся требованиям Политбюро реформировать институт в духе доктрины Лысенко, и вместо этого продолжал исследования наследственности в традиции Менделя. Поскольку Рудольф Шик умел поддерживать баланс между идеологическими моделями и реалистическими изысканиями, институт вырос в международно признанный исследовательский центр с более чем 600 сотрудниками. По описанию Папенхагенов, институт играл важную роль в стабилизации продовольственных запасов как в ГДР, так и в СССР. В то время как ситуация требовала устойчивых и надежных сортов, работа сотрудников института показала, что эти качества вполне достижимы. Выведение сорта картофеля Адретта — пример того, как люди в различных ситуациях, а в этом конкретном случае — в ситуации государственной плановой экономики и ее индустриализированного сельского хозяйства, требуют от своих со-видовых партнеров очень специфичных качеств. Этот пример также показывает, как растения, в свою очередь, способны отвечать на подобные запросы.

На Западе сельское хозяйство развивалось по иному пути после Второй мировой войны. Как и в

ÅS: What do you think about the fact that a breeder can have such an important role for a country and its population?

FP: As a breeder you must be an idealist and an optimist. And you need to be very patient.

LP: It was always said that such a success is a collective effort, not that of an individual. The whole Institute was involved. ♦

References:

Staffan Müller Wille and Hans-Jörg Rheinberger. A Cultural History of Heredity, Chicago: University of Chicago Press, 2012

Anna Lovenhaupt Tsing. Unruly Edges: Mushrooms as Companion Species, <http://tsingmushrooms.blogspot.de>

Christophe Bonneuil and Frédéric Thomas. Purifying Landscapes: The Vichy Regime and the Genetic Modernization of France. Historical Studies in the Natural Sciences, Vol. 40, Number 4, pp. 532–568

Michael Marder. What is Plant-Thinking? Klesis revenue Philosophique, Philosophies de la nature, 2013:25

Soviet region. Only, today it is not the large-scale industrial businesses that care for her, but the household and market-place *dacha* farmers. This is because of her trustiness, and according to testimony by her many custodians, not the least because of her taste and cooking qualities.

Memory travels with plants through changing agricultural landscapes, safeguarding and making possible new assemblages of farming systems and societal forms. In the capitalist system, this memory can be claimed and capitalized on as intellectual property through *Plant Breeders Rights*. In the EU, the criteria for these “rights” – that the plant must be *distinct, uniform and stable* – is a requirement for the approval for commercial cultivation. Meanwhile, the remaining non-approved plants are hiding in the farmers’ household gardens or being kept alive in private seed savers’ clubs, when they are not locked up in the gene banks. This is because, as Adretta and Gala show and as both breeders and farmers know, the memory carried by cultivated plants stretches far beyond capitalist boundaries. It will be needed again, wherever Capitalism is breaking down. When this plant-knowledge is re-activated and set in motion, it will make possible new constellations, bringing past and future to the present for new forms of cultivation to assemble. ♦

страх того, что могут вспыхнуть бунты недовольства, если функционирование системы будет поставлено под вопрос. Когда люди получили свою картошку, проблема была решена, и недовольство стихло.

ОС: Означает ли это, что картофель был важнейшим элементом питания?

ЛП: Картофель был очень важен.

ОС: А какой была ситуация в странах-импортерах Адретты?

ФП: Мы должны были отправлять картофель в Советский Союз еще до того, как была выведена Адретта.

АБ: Столкнулся ли СССР с подобными проблемами, какие существовали в ГДР?

ФП: Похожие проблемы существовали и в Советском Союзе. В Польше и Чехословакии таких проблем не было, поскольку их сельское хозяйство было организовано иначе.

ОС: В этом смысле Адретта сыграла важную роль в стабилизации политической обстановки на обширной территории?

ФП: Можно сказать и так. Однажды машина, груженная семенной Адреттой, была отправлена в Советский Союз по какому-то обмену. Успех был феноменальный. Адретта распространилась быстрее, чем кто-либо мог ожидать.

Восточном блоке, необходимость быстрого восполнения запасов продовольствия послужила императивом для еще большей централизации и интенсификации сельского хозяйства. Однако на Западе увеличение урожайности было достигнуто за счет использования химических добавок, а не за счет создания устойчивых и выносливых сортов. Химическая промышленность США, которые к тому времени стали глобальной силой, нуждалась в новых рынках сбыта для своих продуктов, особенно азота, ранее использовавшегося в военной промышленности. Участие химической индустрии США в мировом агробизнесе дополнило селекцию растений интенсивным использованием азотистых удобрений и синтетических пестицидов. Расширение использования химической продукции происходило в комбинации с выведением новых сортов, специально для нее адаптированных. Эти сорта высокой урожайности [High Yielding Varieties], пропагандируемые так называемой «зеленой революцией» [Green Revolution] и созданные с резистентностью к пестицидам и повышенным абсорбирующим потенциалом для усвоения азотистых удобрений, сместили акцент в селекционном процессе с качеств растений на их совместимость с продуктами химической промышленности.

NT 52

ОС: В каких странах выращивалась Адретта?

ФП: Адретта выращивалась в широких масштабах по всему Союзу.

ОС: Что вы думаете по поводу того, что селекционер может сыграть такую важную роль в жизни страны и населения?

ФП: У нас всегда ходило мнение, что такой успех — это коллективное достижение всего института, а не одного человека.♦

В селекции, движимой целью достижения наилучших показателей, растения, даже несмотря на их удивительную способность к адаптации, не способны удовлетворить все человеческие запросы. Поэтому необходимо реалистически выбирать приоритеты. Наиболее известные сорта картофеля — такие, как Бинтге или Руссет Бурбанк, выведенные на Западе, обладают высокой урожайностью, но неустойчивы к заболеваниям. Они требуют большого количества удобрений и пестицидов. По этой причине Гала, выведенная компанией «Норика» (преемницей Института растениеводства в Гросс Люзевице, образованной после воссоединения Германии), остается одним из наиболее популярных сортов среди фермеров на европейском рынке. Гала обладает свойствами, которые делают ее успешной на капиталистическом рынке: ее клубни имеют продолговатую овальную форму, что очень выгодно при производстве картофельных чипсов, также ее особенности позволяют сократить отходы при использовании нарезочных машин. Устойчивость сорта Гала — качество, принесенное из социалистической сельскохозяйственной системы этим картофельным «тройным конем», — стала фактором конкурентоспособности его на капиталистическом рынке. Гала высоко ценится фермерами, поскольку позволяет им

Хризантема bei Chrysanthemum (Hohltrieb)

aufgeh. 2.9.54

IXa

Zeile Anbau
(Züchtungsreihe Anbau)

III 006/5

III 006/6

III 007/1

III 005/1

III 005/2

III 005/3

little wonder!

VI/17 80 227 005/34

экономить деньги на химических удобрениях и пестицидах, что также означает: меньше времени на тракторе и больше свободного времени.

В отличие от чувствительных фермерских сортов, на смену которым пришла Адретта, последняя оставалась на полях даже во время реформации сельскохозяйственной системы бывшего социалистического блока, вызванной переходом от плановой системы к капиталистической экономике. Адретта — любимый сорт, культивируемый практически на всей территории бывшего Советского Союза. Однако с тем отличием, что сегодня ее нечасто встретишь на полях крупного агробизнеса, гораздо чаще — на дачных участках, откуда она иногда попадает на рынок. Такое постоянство распространения Адретты объясняется надежностью этого сорта, а также, согласно свидетельствам ее «опекунов», ее вкусовыми качествами.

Память путешествует с растениями, меняя сельскохозяйственные пейзажи, но при этом сохраняя саму возможность образовывать новые конфигурации систем землепользования и подходящих общественных форм. Согласно правилам капиталистической системы, эта память может быть коммерциализирована и принять форму частной собственности, согласно так называемым «Правам селекционеров». В Европейском союзе критерий для этих прав заключается в требованиях к

Литература:

Staffan Mueller Wille and Hans-Joerg Rheinberger. A Cultural History of Heredity, Chicago: University of Chicago Press, 2012

Anna Lovenhaupt Tsing. Unruly Edges: Mushrooms as Companion Species, <http://tsingmushrooms.blogspot.de>

Christophe Bonneuil and Frederic Thomas. Purifying Landscapes: The Vichy Regime and the Genetic Modernization of France. *Historical Studies in the Natural Sciences*, Vol. 40, Number 4, pps. 532–568

Michael Marder. What is Plant-Thinking? *Klesis revenue Philosophique*, *Philosophies de la nature*, 2013:25

сорта растения: быть легко отличаемым, единообразным и стабильным. Соответствие этим характеристикам необходимо для подтверждения возможности коммерческого использования сорта. Те сорта, которые не проходят проверку, прячутся в садах приусадебных хозяйств, или их семена сохраняются в любительских генофондах, или они оказываются заперты в официальных или коммерческих хранилищах.

Это происходит, поскольку память, содержащаяся в культивированных растениях, простирается гораздо дальше логики накопления капитала — это хорошо видно на примере картофеля Адретта и Гала и известно как селекционерам, так и фермерам. Эти знания и память потребуются опять, в случае если капиталистический способ производства и индустриальное хозяйство не переживут своего очередного кризиса. Когда знание, заключенное в растениях, придет в активное состояние, станут возможны новые отношения между растениями и людьми. Движение знаний откроет архив прошлого растений для создания в будущем форм культивирования, не нуждающихся ни в генофондах, ни в юридической регуляции, но развертывающих в полной мере потенциал памяти растений в настоящем моменте нашего сотрудничества с ними.

Выращиваю я не один сорт, а 3-4, и рядков у меня один год 17, другой - 16. Почему? Да потому, что я каждый год меняю гряды местами: там, где были дорожки, на следующий год будет грядка. Делаю я это осенью: подсыпаю перегной, золы и формирую грядку. А в марте достаю свой семенной резерв (каждый сорт хранится отдельно), прогреваю его 2-3 дня, а затем замачиваю в воде с марганцовкой около 1 часа. Затем мою и раскладываю по коробкам.

Каждую неделю сбрызгиваю его если не зольной водой, то раствором борной кислоты, затем коробки закрываю. Как только просыпаются глазки (а это происходит в течение двух недель, если в помещении тепло), я коробки открываю и даю росткам расти еще одну неделю, затем готовлю из любых старых журналов или газет бумажные стаканчики, заполняю их почвой, ставлю в низкие картонные коробки и начинаю сажать картофель первый раз. Как - это я сейчас объясню.

Из клубня острым ножом вырезаю кубики с глазком, примерно 1x1x1 см. Эти кубики припудриваю древесной золой и сажаю в стаканчики на глубину 2 - 5 см. И ставлю в светлой комнате на пол. Прикрою на несколько дней (газеты, ткань и т. д.), а как только появится росток, я укрытие убираю.

Как только позволяет погода, я произвожу посадку в уже подготовленную грядку, в шахматном порядке.

Какой же результат?

От каждого куста так можно получить до 7 кг картофеля, и какого! Крупный, ровный, гладкий. Этот способ позволяет получить по 4-6 шт. клубней в кусте, но до 600 г весом - один плод, а бывает и более. Однако для этого нужно хорошо подготовить почву. Грунтовые воды должны лежать не ближе 40-60 см от поверхности.

Выращивать картофель на одном месте длительное время тоже нельзя, это ведет к снижению урожая.

Такой метод мне подсказал известный овощевод-любитель М. Карафа-Корбут еще в 1980-х годах, когда я вела с ним переписку. От него я получила посылку с картофелем сорта Адретта. Он же рекомендовал мне такую схему посадки, потому что она не только сохраняет сорт картофеля, но и позволяет вырастить его крупным. И в те годы я действительно многих удивила своим урожаем.

Отзывы и комментарии:1

Алена

30/07/2014 (16:39) #

А написать хочу о картошке Адретта. В 1976 г. по переписке со знатым картофелеводом М.И. Карафа-Корбутом получила ее. Прислал он мне три очень мелкие картофелины и отругал, что слишком поздно попросила с картошкой еще и брошюрку. Из трех клубней выросло 54. Развела – и пошла у меня ее "ТАСКАТЬ". Потом и сама стала раздавать, чуть не весь поселок начал сажать, делились друг с другом. И название дали свое – «немка». Теперь ее у меня нет, выродилась. Но все-таки хочу об Адретте рассказать.

Сорт ранний, готов за 70-72 дня, да он и сам подскажет сроки. Только нижние листочки начинают желтеть – копай, просуши и убирай. Хранится «немка» хорошо, но мокрая в куче гниет. Выходит быстро и дружно, обгоняя другие сорта. Ботва высокая, стволы толстые, цветет белыми шапками. Пока жук до нее доберется, ее надо копать. Сидит она в кусте в одном месте, располагаясь вглубь. Круглая, чистая, ровная, желтоватая, глазки наверху, все в одном месте. Мякоть тоже желтая, рассыпчатая, крахмалистая, вкус просто необыкновенный! Захотел в мундире сварить да чуть-чуть заезавался - все, сплошное пюре.

Если дожди прошли неравномерно, попадают снаружи лопнувшие клубни. Это мне не мешает, чистить одно удовольствие (не то что Синеглазка: пока выковыриваешь глазки, в кастрюлю уже и класть нечего). Голландские сорта неплохие, но только на два года. Так вот, возвращаясь к Адретте. Передержишь ее в земле – вырастает крупнее, но гнилой будет много.

Адретта. Впервые услышал я об этой картошке около 10 лет назад в журнале «Приусадебное хозяйство». Там же имелся адрес одного из любителей, высылающего клубни Адретты. Конечно же, я отправил письмо с просьбой выслать 2 клубня. Цена каждого была 1 рубль штука. Это при зарплате в то время в 200 – 300 рублей в месяц! А чуть раньше отправил письмо в адрес Московской станции юннатов, также предлагавших новые сорта картофеля. Посылки пришли почти одновременно. Юннаты выслали такие сорта как Приекульский ранний, Пригожий, Огонек, Домодедовский, Вятка, Весна, Гатчинский и другие. Всего около 30 сортов. Как-нибудь расскажу и о них, особенно о Весне, которая оказалась самой ранней из сортов.

Но речь сейчас об Адретте. Надо ли говорить, с какой осторожностью я распаковал посылку и благоговейно взял в руки клубни сорта, о котором уже так много было хвалебной рекламы в журналах «Приусадебное хозяйство». Первое впечатление разочаровало. Два невзрачных зеленоватых клубенька лежало у меня на ладонях. Неужели это та самая хваленая Адретта? Как-то ты покажешь себя у нас?

...На дворе стоял март. До посадки еще почти 2 месяца. Весь апрель клубни пролежали в подполе, ожидая своего часа, а я тем временем штудировал литературу по картофелеводству. В одном из номеров «Приусадебного хозяйства» нашел интересную заметку о том, что если вы хотите побыстрее размножить картофель нужного вам сорта, а клубней у вас мало, то можно размножить его клубневыми отрезками. Для этого клубень надо поместить в посудину, скажем, с влажными опилками или песком. Когда появятся ростки, их нужно отломить вместе с корешками, дорастить в комнате, а затем высадить в грунт. Оставшиеся клубни разрезать по глазкам и также посадить в землю. Что я и рискнул сделать. Около 20 десятков ростков с мощными корнями и кусочки клубней легли в землю. Было это в начале мая, а уже в конце июля из каждой лунки я выкопал по 10-15 штук темно-желтых, округлых, с неглубокими глазками картофелин, сухие и ровные как на подбор. С днем рождения, Адретта, на нашей Бирской земле!

Адретта начала свое победное шествие. Скоро все соседи, родственники и знакомые, получив от меня посадочный материал, начали культивировать Адретту. Идеала нет нигде и ни в чем. Кое-кому может и не понравиться этот сорт. Слышу, в основном, одни сетуют на суховатость сваренной картошки. Но ведь это от большого содержания крахмала в ней. Кое-кому не по душе странный для нас желтый цвет. Это от повышенного содержания каротина. А о пользе каротина вряд ли нужно много говорить. Кое-кто отмечает некоторую сладковатость. Скорее всего, это результат хранения в излишне прохладном помещении, либо, что вернее всего, поздняя уборка Адретты. Напоминаю – Адретта – среднеранний сорт, выкапывать ее надо в конце июля, в начале августа, а не ждать холодного и слякотного сентября. Срок вегетации Адретты всего 75 дней, после посадки.

Женская половина сетует на то, что в супах и борщах картофеля не найдешь, он разваривается. Адретта очень быстро варится, 10 – 15 минут и она готова. Поэтому запускайте ее не в начале варки, а в середине или даже ближе к концу ее. Вот и весь нехитрый рецепт.

И еще напоследок. Кусты у Адретты мощные, высокие, с множеством побегов, цветы снежно-белые, колокольчатые. Сажать надо подальше друг от друга, примерно на расстоянии 80x50 см ... А в общем, как говорится «на вкус и на цвет – товарищей нет». Я не навязываю своего мнения. Нравится вам Адретта – разводите на здоровье, нет – есть сотни других сортов.

на...

Случаи лошадей
видео

Перепела,
содержание и
разведение...

Легендарная
романовская порода
овцы

Перепелиные яйца —
разведение и...

сторон и каждому дана объективная оценка. Из всего многообразия сортов Михаил Иванович выделит Пригожий и Адретту. Особенно ценит последний сорт, выведенный селекционерами ГДР. Адретта урожайна, клубни вкусные, крупные. А мякоть желтая. Как Адретта, так и Пригожий 2 — с неглубокими глазками на ровных клубнях. Больше всего эти два сорта он и старается передать огородникам Подмосковья, для чего применяет ускоренное разведение зостками, а точнее картофольной рассадой. Ценный семенной материал передал также двум совхозам своего Ступинского района — «Леонтьевскому» и «Завезы Ленина» и опытному хозяйству Московского отделения Всесоюзного института растениеводства.

Имели мы удовольствие попробовать Адретту. Горка дымящегося картофеля отливала янтарем. Рассыпчатость угадывалась по искрившимся хрусталикам. Как-то одна гражданка, взяв у Михаила Ивановича др развод клубни Адретты, впоследствии написала ему, что они так развариваются в воде, что и в кастрюле не найдешь. «Да разве такой картофель варят в воде? — удивился агроном.— Надо на пару готовить», Карафа-Корбута называют королем картофеля, а Михаил Иванович говорит, что не он король, а она, картошка, его королева, ведь служит ей всю жизнь. Вырос он в Белоруссии, в картофольном крае, где для крестьянина булыба — это все. Так же и для него картофель с детства стал священным, как хлеб. Долгие годы проработал агрономом и все по картофелю, иа- Еще до войны, заведя опор-ль. ным пунктом одного из науч-эта нх учреждений, проводил интересные опыты. В военное вре- мя Карафа-Корбут оказался под Горьким и возделыванию

<http://miragro.com/vyrashchivanie-kartofelya.html>

<http://vsaduidoma.com/2010/09/28/vyrashhivaem-kartofel-na-dache-ogorode-sort-adretta-2/>

<http://vvkiselev2009.narod.ru/photoalbum54.html>

More than just two sides of a potato

A COMMENTARY BY MIKHAIL LYLOV

The social life of potatoes, carrots, zucchinis and pumpkins hasn't changed in the last 15 years as much as that of husbandry in Divnogorie. Rise of the prices for animal feed in the beginning of the 2000's left the landscape without cows, as the result many cattle barns were rebuild into vegetable and tubers storages. Certainly the barns cannot compete in their qualities with the local cellars made of chalk blocks. Because chalk's insulation it creates stable temperature in the cellar all year around, so a near to perfect conditions are created to store potatoes along with vegetable and fruit preserves. Even a brief introduction to the structure of the local allotment gardens shows that potatoes keep their leadership and concede the second position only to corn, which will feed fowl during winter.

When one tries to think of the social life of potatoes in Russia, the first problem to trip over is the potatoes' condition of a cultural cliché. However, when we accept that there is a practice of some sort behind any cultural representation, as a result, the cliché becomes a complex social phenomenon. In the case of potatoes, the cliché is based on an economic tendency established by the crisis of the 90's. Since then around 80% of all domestically produced potatoes and vegetables are grown in private households of village residents or in garden allotments of city residents. So it comes as no surprise, that potato was and still is a trope in public discussions. An unending string of opinions – sometimes judging the role of potato in life of 'a Russian' with the existentialist pathos, and sometimes just telling with the fascination about a favourite variety – is not simply well-backed by peoples' practice, but competes with similarly vast plenty of agricultural know-hows and knowledge spread all over paper magazines, websites, forgotten private notebooks or transmitted orally. In this way, cultivated potato has a twofold nature and both its moments create potato's mode of socialization. On the one hand, potato is an affective image or an imaginary object. As such it connects and binds a collective with ambivalent emotions, as potato can be at the same time an object of admiration and contempt. On the other hand, the same potato, accompanied by her garden pals, can be a source of knowledge and practice, an object of 'rational' love.

What is the relation between social practice and pejorative meanings of the potato cliché found in Russia or elsewhere? For example, potato appears in Karl Marx's *18th Brumaire of Luis Bonoparte* as an image representing a primitive

social structure. One of the main classes that provided the basis for Luis Bonaparte counterrevolutionary coup d'etat of 1851 in France were small-holding peasants associated with potato cultivation. Potatoes, unlike wheat that necessitated complex division of labour to produce bread, did not require any complex social relations of labour.

The small-holding peasants form an enormous mass whose members live in similar conditions but without entering into manifold relations with each other. Their mode of production isolates them from one another instead of bringing them into mutual intercourse. ... Their field of production, the small holding, permits no division of labor in its cultivation, no application of science, and therefore no multifariousness of development, no diversity of talent, no wealth of social relationships. Thus the great mass of the French nation is formed by the simple addition of homologous magnitudes, much as potatoes in a sack form a sack of potatoes.¹

Indeed, one could read Russian 90's along these lines. The industrial crisis and related deterioration of centralized social institutions that accompanied post-soviet transition caused most of the people and their families to take over the institutions' responsibilities and organize agricultural self-subsistence on their garden allotments. In retrospective it is easy to see such a situation as a regressive state of exception. However, the saving of costs on the reproduction of labor power by subsumption of unpaid labor is nothing else than a normal practice of capitalist development.² The fragment from the *18th Brumaire* also suggests a method of political control immanent to the parcellized sociality: primitiveness and high intensity of labor shall keep the masses politically passive or, better, imagining themselves being heroic workers (one of the historical appearance of the potato cliché in post-Soviet Russia). In a word, primitive forms of practices of the masses result in the initiative and the economic gain being on the other side of the conflict, as the companies (neither the state) do not pay the costs of social reproduction.

With all the authority of its references, such a general analyses seems to be fair neither to concrete people nor to a concrete potato. The concrete potato, as well as other cultivated plants, is not just a set of "homologous magnitudes," but a diversity of agricultural varieties in combination with the various methods of their production. Similarly to a potato, a concrete person is not only a representative of a class, but also a variable composition of knowledge and practices. In such a way, a more probable object of critique in the cited fragment is not potatoes, but a social

1 K. Marx, *18th Brumaire of Luis Bonaparte*, <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1852/18th->

2 I mean here the process of primary accumulation and extended use of informal labor by the capital as analyzed by Sylvia Federici in her *Caliban and the Witch* (New York: Autonomedia, 2004)

form build on the repetition of the same. One can even say that the fragment sets out the critique of the cliché as a mode of production. On the one hand, similar to one another smallholders are incapable to embody a complex socius. On the other hand, and more problematically, an isomorphism connects the levels of political imagination: subsistence farmers – Russian *dachniki*, lets say – become a model of an autonomous super-citizen of an absolutely sovereign country (another historical face of the post-Soviet potato imaginations). Such a monotonous political fantasy is the first to be refuted by the many-sidedness of the subsistence level agricultural practice. Gardening on *dacha* allotments is an auxiliary activity for many, and if it is the main activity, which is not yet commercial – it is the work of pensioners and older generations. There exists a gigantic in volume exchange of agricultural information and knowledge; it covers not only the questions of productivity but as well of cultivation and breeding, meaning the private production of new cultivars. This creative gardening supports biodiversity and essentially is a decentralized gene bank. Farming on garden allotments is far less ecologically destructive than the large-scale mechanized agriculture. Taking into account that the latter tends to monopolize not only the access to the land and market but also knowledge of varieties, free circulation of the information and absence of the effective monopolies on the intellectual property in Russia, there exists a better chance to preserve biodiversity of the cultivated plants here.

As the story of Adretta variety reconstructed in the work of A.Sonjasdotter and E.Rosenfeld suggests, when politics takes life as its subject – which results in the regulation of life, its conditions and privileging of one ways of living over the other (capitalism over socialism or an oval potato over a round one, etc.) – knowledge becomes a condition for resistance, while life becomes a force of resistance. For this reason and from the point of view based on recent Russian experience, one can expect a garden allotment to be much more than an atavistic remnant of the primitive past, as the hideout to wait out while capital or power restores social life. Smallholding hybrid agriculture creates conditions to support those knowledge and practices that are not demanded by or in a direct contradiction with the agricultural business and its monopoly ambitions. As a mode of production allotments gardening is instrumental for creation of decentralized and local exchanges. While consumer cooperatives can directly connect urban and countryside families, production cooperatives stimulate to support agricultural varieties and consequently the various knowledge and the practices of people.

Often descriptions of agricultural techniques written by the practitioners are interwoven with the emotional commentaries. In a remarkable manner, in these texts knowledge and affectivity don't negate each other, but rather they go along. One can see how joyous affects are related to the practice and consequently to the knowledge allowing to create yet another technique or maybe a cultivar. Such a relation provides for mutual development of a person and a plant, makes both more active and adequate for each other. Free exchange of knowledge only

enhances this process.

As the many commentaries of *dachniki* tell us, wide spread of Adretta coincided with the last Soviet Food Program of the 1980s and happened through the informal channels of the allotment gardeners. Taking into account all the debates regarding the nature and character of the food shortages in the USSR, it is impossible to definitively relate Adretta and the Food Program. However, the very fact that food, ways of 'getting' it through making connections in the state food distribution, etc. were on the daily agenda in the late Soviet Union shows the actuality of the allotments thematic. Price for one seed tuber of Adretta was unimaginable 1 Rouble (in the state shops potatoes cost back then 10 cent pro kilo), correspondingly the variety was multiplied collectively by the whole village or garden allotment cooperatives. Traveling informal ways the variety spread all over the USSR. It is remarkable, that Adretta was not very famous in Voronezh region, probably, because it was bred for the non-black soils. It was a surprise, when we visited the allotments of Divnogorie residents to prepare another micro-radio transmission and figured out that some planted Adretta first time in 2014.³ Gardeners bought seed tubers from the traveling seed sellers – distribution of the seeds by travelling merchants is a normal practice in Russian countryside. We met with the cultivators of Adretta already after the harvest; everyone said they would continue with the variety in the next season.

Больше чем только две стороны одного картофеля

КОММЕНТАРИЙ М.ЛЫЛОВА

Общественная жизнь картофеля, моркови, кабачков и кукурузы в Дивногорье за последние 15 лет претерпела меньшие изменения, нежели животноводство. Рост цен на корм для животных в начале 2000-х оставил пейзаж без коров, зато сараи, в которых до этого зимовал скот, перестроились под хранение овощей и корнеплодов. Хотя, конечно, сараи не могут соревноваться по своим качествам с местными погребами из меловых блоков. Поскольку мел сохраняет стабильную температуру круглый год, погреба создают прекрасные условия для хранения картофеля и консервированных овощей. Даже при беглом ознакомлении со структурой огородов местных жителей ясно, что картофель сохраняет свое лидерство, уступая второе место кукурузе, идущей на корм для кур в зимнее время.

Первый вопрос, который сразу же возникает, если задуматься об общественной жизни картофеля — это его бытование в форме культурного клише. Однако, если принять, что за культурной репрезентацией обязательно стоит та или иная практика, то клише приобретает сложность общественного явления. В случае с картофелем клише основано на экономической тенденции, заложенной кризисом 1990-х годов и которая осталась неизменной по сей день: около 80% овощей и картофеля производится в частных хозяйствах огородников и сельских жителей. Так нескончаемая вереница мнений, иногда с экзистенциальным пафосом судящих о роли картофеля в жизни «российского человека», а иногда с чистосердечным восхищением просто рассказывающих о любимой разновидности картошки, не только имеет под собой статистические основания, но и, что более важно, соревнуется с таким же необъятным множеством практических знаний и умений, раскиданных по печатным журналам, вебсайтам, записным книжкам или существующих только устно. У культивируемого картофеля, таким образом, двойственная природа, оба момента которой устанавливают способ ее социализации. С одной стороны, картофель — аффективное изображение, или воображаемый предмет, связывающий коллектив амбивалентными эмоциями. Он одновременно может быть объектом и восхищения, и ненависти.

Но, с другой стороны, тот же картофель, в компании со своими огородными соседями, является источником знаний и практики, объектом «рациональной» любви.

Какова связь между общественной практикой и уничижительным значением картофельного клише? Картофель, как символ примитивности общественной структуры, появляется, например, у К. Маркса при анализе контрреволюционного переворота Луи Бонапарта в 1851 году. Характеризуя один из основных классов, на которые опирался Бонапарт, он писал:

Парцелльные крестьяне составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг с другом. Их способ производства изолирует их друг от друга. ... Их поле производства, парцелла, не допускает никакого разделения труда при ее обработке, никакого применения науки, а следовательно и никакого разнообразия развития, никакого различия талантов, никакого богатства общественных отношений. ... Таким образом, громадная масса французской нации образуется простым сложением одноименных величин, вроде того как мешок картофелин образует мешок с картофелем.¹

И, ведь, действительно, с распадом централизованных общественных институтов и кризисом производства, в прошлом гарантировавших социализацию, многие конкретные постсоветские люди и их семьи стали сами ответственны за свое выживание, организуя семейные дачные хозяйства для самообеспечения. В ретроспективе можно смотреть на эту ситуацию, как на общественное чрезвычайное положение, но, в то же время, экономия издержек на воспроизводство через включение неоплачиваемого труда в систему воспроизводства рабочей силы свойственна нормальной логике развития капитализма.² С другой стороны, фрагмент из «Восемнадцатого брюмера...» намекает и на способ политического контроля, сопровождающего парцелляцию как способ социализации: примитивность и трудоемкость труда должны держать массы пассивными или, еще лучше, воображающими себя героическими тружениками (одно из исторических явлений картофельного клише).

1 Карл Маркс, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», <http://esperanto-mv.pp.ru/Marksismo/18br/18br-07.html#c7>

2 Анализ развития капитализма и особой роли первичного накопления капитала, осуществляющегося через информализацию репродуктивного труда представлен в работе Сильвии Федеричи, *Caliban and the Witch: Women, the Body and Primitive Accumulation* (Autonome-dia, 2004).

Одним словом, примитивные формы активности масс гарантировали не только инициативу другой стороне конфликта, но и выгоду — поскольку осуществляется экономия на затратах, связанных с общественным воспроизводством.

При всей политической значимости, такой обобщенный анализ не совсем справедлив по отношению и к конкретным людям, и к конкретному картофелю. Конкретный картофель так же, как и конкретные культивируемые растения — не набор «одноименных величин», но многообразие сортов и способов их выращивания. А конкретный человек — не только представитель класса, но многообразное сочетание навыков и знаний. Поэтому реальным объектом критики в процитированном фрагменте является не картофель, но форма социальности, построенная на повторении одного и того же — можно сказать, фрагмент критикует клише как способ общественного производства. Не только мелкие собственники неспособны образовать сложную общественную систему, но, что более важно, изоморфизм связывает уровни политического воображения: огородник — как модель абсолютно самодостаточного гражданина абсолютно суверенной страны (другое историческое картофельное клише). Такая монотонная политическая фантазия сама же и противоречит многосторонности конкретной практики. Огородничество часто является дополнительной формой активности, или если является основной, но не профессиональной — то для пожилых членов семей. Существует гигантский по своему объему процесс обмена информацией и знаниями, который охватывает не только вопросы урожайности, но и селекции, то есть самостоятельное создание новых сортов. Приусадебное хозяйство гораздо менее разрушительно для окружающей среды, чем крупное механизированное хозяйство. Креативное огородничество поддерживает биоразнообразие, по сути дела, это децентрализованный генофонд. С учетом свободной циркуляции информации и отсутствия эффективных монополий на интеллектуальную собственность, у биоразнообразия культивируемых сортов существует больший шанс на сохранение в России.

Как подсказывает история сорта картофеля Адретта, восстанавливаемая в работе О. Соньясдоттер и Э. Розэнфельд, когда политика берется за регуляцию жизни и ее условий, в результате чего одни формы жизни признаются более подходящими, чем другие, знания становятся условием для сопротивления, а жизнь — силой сопротивления. Поэтому с точки зрения, базирующейся на недавнем российском опыте, на огород можно смотреть не только как на автавизм примитивной частной жизни, как на способ переждать, пока «капитал» или «власть» восстановят нормальную общественную жизнь. Именно мелкое гибридное сельское хозяйство создает условия для

поддержки тех знаний и умений, которые либо не востребованы, либо напрямую противоречат интересам сельскохозяйственного бизнеса с монопольными амбициями. Как способ хозяйствования, огород инструментален для создания децентрализованных и локальных форм обмена — например, потребительских кооперативов, напрямую связывающих городские и сельские семьи, или производственных кооперативов, стимулирующих поддержание многообразия практик и способов культивирования разнообразных сортов.

Часто описание практикующими своих сельскохозяйственных техник сопровождается их эмоциональным комментарием. Интересно то, что в этих текстах знание не отрицает эмоции — скорее, они параллельны друг другу. Очевидно, что позитивные аффекты связаны с практикой и, соответственно, со знаниями, позволяющими создать новую технику или новый сорт. Такая связь предоставляет взаимные возможности для развития — как растению, так и экспериментатору, делает обоих более «активными» и адекватными друг другу. Свободный обмен знаниями только усиливает этот процесс.

Широкое распространение Адретты в СССР совпало по времени с принятием «Продовольственной программы» 1980-х и происходило через неформальные каналы огородников-любителей. С учетом всех дебатов о природе продовольственного дефицита и его специфике невозможно однозначно связать оба явления. Однако тот факт, что проблема продуктов питания, способов их «добывания» («блат» и т. п.), даже при отсутствии риска реального голода, всегда стояла на повестке дня для советских граждан, показывает актуальность огородной тематики. Цена Адретты была немислимой — 1 рубль за посадочный клубень, соответственно, размножением этого редкого сорта занимались целыми дачными поселками или деревнями. Путешествуя «неформальными» путями, этот сорт распространился по приусадебным хозяйствам Российской Федерации. Что примечательно, Адретта не была широко известна в Воронежской области — возможно, потому, что предназначалась для нечерноземных почв. Однако при посещении огородов хуторян для подготовки трансляций микрорадио,³ выяснилось, что некоторые из них высадили Адретту, которую приобрели у приезжих продавцов семян, в первый раз в 2014 году. (Продажа семенного материала частными предпринимателями с машины — стандартная практика распространения в деревнях.)

Мы встретились с хуторянами, высаживавшими Адретту на своих огородах, уже после уборки урожая, все они сказали, что продолжат сажать сорт в будущем году.

*Погреб Мары Васильевны Полицной. /
Entrance to the cellar of Maria Vasilevna Polichnaya.*

*Погреба с урожаем Адретты. Стены погребов сложены из меловых блоков, благодаря чему в нем поддерживается стабильная температура круглый год. /
Interior of a cellar with Adretta. Walls of the cellar are layed with chalk blocks. This insulation provides a stable temperature all year round.*

*Один из огородов в Дивногорье
после уборки картофеля. /
One of the Divnogorje's garden
allotments after potato was harvested.*

*Урожай Адретты в сарае Леонида Николаевича
Шинкарева. /
Harvest of Adretta in the barn of Leonid Nikolaevich
Shinkarev.*

